

Вер. Москва. - 1989. - 19 апр. - с. 3

Откровенный разговор

НУЖЕН ЛИ ОСТРОВСКОМУ СТРИПТИЗ?

БЕСЕДА С НАРОДНЫМ АРТИСТОМ СССР
ЮРИЕМ СОЛОМИНЫМ

— Юрий Мефодиевич, вы недавно возглавили Академический Малый театр. Несмотря на то, что он стоит в «лесгах» и огорожен забором, творческая жизнь в коллективе не угасает. В репертуаре театра всегда большое место занимала классическая драматургия. Не случайно он называется Домом Островского. Намерены ли вы как художественный руководитель менять этот акцент или будете стараться сохранить традицию?

— Про нас иногда говорят: ну, это старый театр, архаичный. Да, у нас всегда шла классика. Просветительская роль Малого театра в этом плане велика. Лично мне не хотелось бы, чтобы наш театр изменил свое отношение к классике.

Конечно, если появится действительно хорошая современная пьеса, ее надо ставить. А хватать бы что, лишь бы в репертуаре значилась постановка «на тему» дня, право, не стоит.

У Островского около 50 пьес. Если будем ставить одну в год, то уже обеспечены на полвека. То же самое и с Шекспиром, Мольером, Гольдони, Достоевским, Толстым, Грибоедовым, Лермонтовым. Это прекрасное созвездие авторов, без знания творчества которых человек не может считать себя образованным и культурным. Вот и у Чехова для нынешнего сезона мы взяли малоизвестную пьесу «Леший».

Разумеется, обращение к классике предполагает новое прочтение, видение

и трактовку: ведь эстетика, вкусы, представления людей меняются. Но прикасаясь к классике, это надо делать в пределах разумного, не осовременивать до бесчувствия, как поступают в иных театрах в погоне за оригинальностью и эпатированием публики.

Например, вводят в «Лес» Островского песни Высоцкого или заставляют русского купца устраивать стриптиз. Я очень люблю и уважаю Высоцкого, но какое он, простите, имеет отношение к «Лесу»? Когда Восьмибратов снял с себя рубашку, а затем принялся стаскивать еще и штаны, я подумал: «А что же носили в те времена под ними?». На актере оказались... современные плавики, кажется, японского производства. Молодежь грохнула, ей было смешно, когда на виду у всех снимали штаны. Она аплодировала. А я сидел и с грустью думал, что эти молодые люди никогда уже больше не увидят «Лес». Просто не пойдут на этот спектакль, считая, что видели его, а тем более не прочтут пьесу. А ведь там какой язык, потрясающие человеческие отношения, философский смысл!

Классика и драматургия — это тот же Эрмитаж, тот же Пушкинский музей. Если мы сейчас примемся переделывать все скульптуры, созданные в прошлые века, откальвать у них все лишнее с современной точки зрения, то лишимся шедевров прошлого. Литературу надо беречь.

— Разговоры об архаичности Малого театра распространяются и на игру актеров. Она, дескать, не вписывается в нынешний день. Каково ваше мнение на сей счет?

— Говорить можно все, что угодно, гласность ведь. Но как тогда рассматривать тот факт, что многие наши актеры снимаются в кино и успешно работают бок о бок с артистами из других театров, и качественного отличия между ними нет?

Выходит, мы можем работать и в этой современной манере.

Я считаю, что участие театральных артистов в фильмах идет им только на пользу. Кино создает артисту популярность. Мне лично ее принес «Адьютант его превосходительства». Слова «популярность» не надо бояться. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, и плох тот артист, который не стремится стать известным. В театре артист имеет для этого ограниченные возможности. Здесь его видят тысячи, а в кино — миллионы. Вместе с тем бросать театр ради кино нельзя. Театр — тот же стадион, на который артист должен приходиться ежедневно для тренировки, чтобы всегда быть в форме.

— Ваше новое «самплуа» художественного руководителя Малого театра воспринимается общественностью как вполне логичный этап. Ведь вы много лет отдали Малому театру. Расскажите, с чего начинался ваш творческий путь.

— С дороги. Началась она почти за 9 тысяч километров. В Москву приехал из Читы. В столицу отправился, чтобы поступить в институт и получить профессию, о которой мечтал. Мне повезло — я попал на курс замечательной актрисы Веры Николаевны Пашенной. Потом был Малый театр, в котором тружусь уже более 30 лет. Первым был спектакль «Когда горит сердце». Играть в нем довелось с Н. Подгорным, В. Коршуновым, Е. Матвеевым, Е. Еланской.

— Многим запомнился Хлестаков, созданный вами в «Ревизоре», который поставил Игорь Владимирович Ильинский. Какие воспоминания связаны у вас с работой над этой ролью под руководством такого выдающегося мастера?

— Однажды, встретив меня в коридоре театра, Игорь Владимирович стал почему-то пристально глядеть на меня, а потом как-то нерешительно, словно стесняясь, спросил, не буду ли я против,

если он займет меня в «Ревизоре». «А кого играть?» — спросил я не без удивления. «Хлестакова», — ответил Игорь Владимирович как если бы это был для него уже давно решенный вопрос.

Начались репетиции. Было очень трудно, ведь сам Ильинский — артист чрезвычайно яркий, играл эту роль уникально. Я не мог в точности делать то, что он просил и выразительно показывал. Ведь у меня совсем другая психология. Говорят, что Ильинский не был педагогом. Но я скажу, что он отнесся ко мне как истинный педагог. Дважды я отказывался от этой роли, но он все-таки заставлял меня снова браться за работу, убеждал, требовал, вселяя уверенность.

А потом мы играли с ним вместе. Он — Городничего, а я — Хлестакова. После каждого спектакля он приходил в гримерную и скрупулезно разбирал все удаchi и промахи. Его поистине отеческое отношение не забуду никогда.

Яркие артисты у нас в театре есть и теперь, но их единицы. Передо мной, как художественным руководителем, сейчас стоят две первоочередные задачи. Собрать актерский состав, воспитать свой, найти и пригласить тех, которых нам не хватает. Сформировать репертуар, который создавал бы, отличал театр «лица необщим выраженьем». Главное не бояться отказаться от того, что в репертуаре явно устарело. Но беда в том, что многие держатся за свои прежние работы, потому что если потеряют свою старую роль, бояться остаться без новых. В этом и состоит их главное заблуждение. Чем быстрее мы избавимся от груза, который у нас висит на шее в виде устаревшего репертуара, тем скорее сможем легко и глубоко вздохнуть, обновить свою кровь кислородом. Обновляя репертуар, мы внесем свежую струю в режиссуру, и артисты в свою очередь приобретут новое дыхание.

Беседу вел
И. ОКУНЕВ.